

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ (НА ОСНОВЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ В ПРОСТРАНСТВЕ)

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00302 «Метафорическая концептуализация в формировании терминосистем: гносеологические универсалии русской научной картины мира».

Исследованы способы метафорического моделирования социальной реальности в академическом дискурсе социальной психологии. Процесс социализации раскрывается на основе представления о пространственно-объектных отношениях. Социальные процессы уподобляются перемещению в пространстве, социально-психологические изменения моделируются как объекты, расположенные в пространстве. Отклонения от социальных норм моделируются на основе аналогии перемещения человека в отдельно существующее пространство болезни, девиации, работы и т.п.

Ключевые слова: метафорическое моделирование; концептуальная метафора; академический дискурс социальной психологии; социализация; социальный процесс; социально-психологическое изменение.

Изучение способов представления знания в языке науки – активно развивающееся направление в когнитивной лингвистике XXI в. и дискурсивных исследованиях. Данному вопросу посвящено немало работ в различных областях знания: лингвистике [1, 2], философии [3] и др. Особое внимание ученые уделяют исследованию способов метафорической номинации новых реалий действительности, правомерности и обусловленности функционирования метафоры в языке науки.

Начиная с эпохи Античности понимание «метафоры» проходит эволюцию от художественного тропа в эпоху Древней Греции и Рима до когнитивной, ментальной структуры в современных лингвистических и междискурсивных исследованиях. В русле когнитивной лингвистики метафора стала рассматриваться как ментальная операция, один из основных способов познания, категоризации и представления знания о мире [4]. Как отмечают зарубежные и отечественные когнитивисты, базовыми метафорическими моделями, на основании которых человек передает знание о мире, являются онтологическая, структурная и пространственная метафоры [Там же].

Моделирование на основе пространственных представлений – одна из основных и первичных моделей, используемая человеком при передаче восприятия действительности, представлении знания о получаемом опыте взаимодействия с окружающим миром. Прежде всего, мы понимаем и верим в то, что мы можем наглядно увидеть и, увидев, оценить; в то, что соответствует принципам «истинности и верифицируемости» [5. С. 647]. Согласно мнению М.В. Никитина, существование пространства неизменно связано с принципом его наполненности, или «вещетризма». Существование пространства не имеет смысла без составляющих его объектов: «...оно предпослано вещам, и без вещного наполнения не исчезает, но, становясь пустым, лишается измерений: нет вещей, нет расстояний, координат, скоростей, взаимодействий и пр.» [Там же. С. 651]. Данный аспект позволяет нам говорить не только о пространственном моделировании знания о мире, но **пространственно-объектном**, так как пространство и заполняющие его элементы оказываются неразрывно связанными друг с другом.

Ранее пространственное моделирование было рассмотрено в работах представителей томской метафорической школы [6–10]. А.М. Мухачева рассматривает образный компонент концепта «пространство» как структуру когнитивных моделей на материале современного русского литературного языка [6]. Пространственная метафора является активной формой представления информации о социальном конфликте в медиадискурсе [7]. Пространственному моделированию научного дискурса посвящена работа З.И. Резановой, где автор раскрывает особенности метафорической организации знания в лингвистике [8]. Анализу пространственной метафоры в научном дискурсе в целом посвящен раздел монографии Н.А. Мишанкиной [9]. Метафорическая репрезентация научного знания также представлена в исследовании Н.А. Мишанкиной и А.Р. Рахимовой, в котором авторы приводят наглядное представление организации психики человека в виде пространства [10].

Обращение к текстам по социальной психологии позволило обнаружить, что в них активно функционирует пространственная метафора, моделирующая социальную психологию как ментальное пространство, в рамках которого осуществляется становление социальной реальности, процессы социализации личности, что и определило *цель* настоящего исследования – показать особенности метафорического моделирования социального пространства в академическом дискурсе социальной психологии.

Гипотеза исследования – в академическом дискурсе социальной психологии процесс социализации человека представлен как строго организованное пространственно-объектное целое, имеющее внешнюю и внутреннюю структуру.

Материалом для данной работы послужили академические издания по социальной и общей психологии [11–21]. Из представленных источников методом сплошной выборки были отобраны метафорические контексты, включающие 2 653 метафорические единицы.

Как показало исследование, в академическом дискурсе социальной психологии процесс социализации личности имеет пространственно-объектную организацию, которая характеризуется внешней и внутрен-

ней структурой. Обратимся к рассмотрению каждого аспекта более подробно.

1. Внешняя пространственно-объектная организация. Внешняя пространственно-объектная организация лежит в основе репрезентации знания о социальных явлениях, которые происходят в процессе развития и становления человека в обществе. Говоря о внешней организации пространства, мы подразумеваем следующие его параметры: горизонтальную и вертикальную протяженность, местоположение объектов в пределах пространства, а также наличие или отсутствие пространственно-объектных границ.

Горизонтальное пространство. Горизонтальная протяженность пространства связана как с его собственными параметрами, так и с расположением объектов внутри пространства данного типа.

Прежде всего, необходимо отметить, что социум в сознании носителя языка уподобляется горизонтальному пространству, обладающему «шириной» – «протяжением чего-либо в поперечнике: *широкое поле и др.*» [22. Т. 4. С. 716]. Наличие данной характеристики становится символическим обозначением возможности социальной реализации и адаптации человека, возможности получения социального опыта, а также спектра социальных функций, которые реализует человек, вступая в социальное взаимодействие: «*Сначала рассмотрим внутреннюю динамику социальных движений, а затем обратимся к внешней динамике, т.е. к влиянию социальных движений на более широкое социальное целое, в рамках которого они действуют*» [11. С. 189]; «*В развитии выделяются такие стадии интериоризации: постепенное расширение по мере приобретения индивидом социального опыта сферы его общения, деятельности и поведения*» [12. С. 44]; «*Сложилась традиция, согласно которой в структуре социализации принято выделять... широту, т.е. количество сфер, в которых смогла приспособиться личность*» [13. С. 144]; «*Внутренние процессы, происходящие в коллективе, строятся на основе соответствия их более широкой системе социальных отношений...*» [11. С. 13].

В репрезентации знания о различных типах социального взаимодействия горизонтальная протяженность оказывается представленной на основе корреляции параметров ширины и узости пространства. Коррелятивной парой к представлению о широком пространстве является пространство «узкое» – «имеющее малую протяженность в поперечнике, меньшем по ширине, чем требуется: *узкая лента, узкая кровать и т.д.*» [22. Т. 4. С. 475]. Пространство данного типа лежит в основе наглядного представления ограниченной сферы взаимодействия человека с окружающими: «*Многообразные отношения человека не охватываются только межличностным контактом: положение человека за узкими рамками межличностных связей, в более широкой социальной системе...*» [14. С. 44]; «*В этот узкий круг отношений постепенно втягиваются все члены семьи*» [11. С. 180]. В характеристике социальных групп «узость» чего-либо является метафорическим обозначением специфики их объединения и принципов существования. Узкому пространству уподобляется знание об ограниченной

сфере интересов, целей и деятельности социальной группы: «*На уровне малых контактных общностей в качестве основной детерминанты выступают не социокультурные факторы самого общего порядка, а более узкие групповые социальные характеристики субъектов*» [11. С. 144]; «*на втором этапе межгрупповая деятельность (труд в совхозе) приобрела самостоятельную и социально значимую ценность, не ограничивающуюся узкогрупповыми целями в межгрупповом соревновании*» [14. С. 74]; «*Корпорация – организованная группа... на основе своих узкоиндивидуалистических интересов*» [15. С. 675].

Помимо ширины-узости, характеристика горизонтального пространства во многом определяется расположением объектов внутри пространства данного типа, которые находятся на определенном расстоянии друг от друга. В основе передачи информации о неформальных отношениях между людьми содержится представление о «тесном» пространстве – «таком, в котором мало свободного места, простора для чего-либо» [22. Т. 4. С. 361]: «*Для них характерна непосредственность контактов, в них происходит культуризация индивида, с очень тесными межличностными отношениями и взаимодействиями*» [13. С. 147]; «*В принципе допустимы самые различные основания для классификации малых групп: группы различаются по времени их существования (долговременные и кратковременные), по степени тесноты контакта между членами, по способу вхождения индивида и т.д.*» [15. С. 97].

Знание о межличностном взаимодействии, эмоциональном и физическом контакте, степени родства между людьми передано на основе представления о «близком» или «дальнем» расположении: «**Близость** – тип межличностных отношений двух людей...» [11. С. 76]; «*Далее, такой такесический элемент, как похлопывание по спине и плечу, возможен при условии близких отношений, равенстве социального положения общающихся...*» [Там же. С. 96]. Наличие эмоциональной составляющей, чувства любви и заботы, которые существуют между родителями и их детьми, обозначается через номинацию пространственного положения: «*У него появляется потребность действовать по образцу взрослых людей, особенно эмоционально близких ему (родителей)*» [16. С. 313]. В большинстве случаев в академическом дискурсе социальной психологии отсутствует коррелятивная пара «близкий–далекий» в представлении знания о социальных отношениях. Формальные взаимоотношения, лишённые выраженной эмоциональной составляющей, метафорически обозначены через наличие «дистанции» – «расстояния, промежутка между чем-либо» [22. Т. 1. С. 403]: «*Контакты между людьми часто поверхностны – большинство людей предпочитает дистанционные взаимоотношения. Немногие способны на глубинные человеческие контакты. Особенно вредят подлинному психическому контакту всевозможные формальные контактные манипуляции*» [19. С. 244]; «*Например, увеличение дистанции общения с лицами старше по возрасту, отдаление “незнакомых”, приближение “родственников”*» [11. С. 106]. Представление о дальнем

расположении содержится в передаче знания о различии социальных установок и жизненных ценностей, которые могут возникнуть между людьми, состоящими в социальных отношениях: «К главным параметрам, задающим содержание межличностных отношений, как правило, относят: **дистанцию между партнерами** или **степень их психологической близости (близкую, далекую)**» [13. С. 60]. Нахождение объектов на определенном расстоянии друг от друга служит аналогией представления информации о различном социальном положении и статусе, которыми могут обладать люди: «Значительные различия в социальном положении общающихся порождают “**эффект социальной дистанции**”. Крайнее проявление этого эффекта выражается в пренебрежении и ненависти к представителям других социальных групп» [19. С. 84].

Таким образом, метафорическое моделирование социальной реальности на основе представления о горизонтальной протяженности пространства оказывается связанным с параметрами его ширины-узости и дистанции между объектами.

Вертикальное пространство. Знание о социальном становлении человека репрезентировано на основе представления о вертикальной протяженности пространства. В данном случае мы можем говорить о «вертикали», архетипе «верх-низ» [4] как о продуктивной метафорической модели, используемой для обозначения процесса социальной динамики в общеязыковой картине мира. «Верх» пространства символизирует положительную оценку в процессе социализации человека, достижении социальных успехов, а низ – негативную: «В итоге **социальный подъем личности** обеспечивается уже не овладением актуальными знаниями и даже не приращением их, а манипулятивными способностями...» [13. С. 157]; «И все равно наш сумасшедший, работающий без правил **социальный лифт** мог и все еще может выкинуть человека на самый **верх бизнеса и политики**», «Шесть лет назад, когда Сергей начал работать дворником, казалось, он упал на самое **социальное дно**» и др. [17].

В представлении знания о функционировании социальной группы «высота» пространства является показателем успешного объединения всех ее членов: «При такой интерпретации сплоченности обязателен третий шаг в анализе, т.е. переход от установления единства ценностных ориентаций к еще более **высокому уровню единства** – единства целей групповой деятельности как выражения сплоченности» [14. С. 108]; «**высокая референтность** членов коллектива по отношению друг к другу; высокая объективность...» [12. С. 165]; «**высокая степень согласованности, сходства представлений, ориентации, позиций и мнений членов коллектива**...» [Там же. С. 167]; «**Высокоразвитые группы** – это группы давно созданные, отличающиеся наличием единства целей и общих интересов, высокоразвитой системы отношений...» [18. С. 168].

В общеязыковой картине мира и академическом дискурсе социальной психологии пространственная метафора, связанная с перемещением по вертикали,

сопряжена с анималистической метафорой «роста»: «рост» становится метафорическим обозначением социального развития человека: «Он может **повышаться**, если социальная общность расценивает субъекта в динамике **социального роста**, или **понижаться**, если имеет место динамика социальной деградации» [12. С. 59]; «люди с **высоким статусом** более конформны, в большей степени стремятся соответствовать нормам...» [14. С. 97]. И, напротив, перемещение вниз и нахождение внизу является аналогией отсутствия социальной востребованности личности: «**низшие по социальной лестнице подражают высшим**» [12. С. 29]; **низкий социальный статус**.

Таким образом, в дискурсе социальной психологии вертикальная протяженность пространства служит метафорическим обозначением динамики социального развития. Высота пространства становится показателем успешной социальной реализации личности и социальной группы людей, а нахождение внизу – метафорой малой социальной востребованности человека как ячейки общества.

Границы пространства. В моделировании социальной реальности в виде пространства, помимо горизонтального и вертикального параметра, значимым компонентом метафорической картины является представление о возможных пространственно-объектных границах. Функционально представление о границе является основой метафорического структурирования норм различных социальных объединений, особенностей их существования и характеристики тех психологических процессов, которые возникают между их членами. В репрезентации знания на основе данной модели активными становятся представления о следующих границах пространства – его «пределе», «пороге», «крае», и представление о границе какого-либо объекта, «рамке».

Наличие пространственно-объектных границ является метафорическим обозначением строго организованных социальных групп людей. Так, «предел» – «конечная часть чего-либо» [22. Т. 3. С. 364] – становится аналогией представления о минимальной или максимальной численности социального объединения: «Говоря о **низших границах малой группы**, можно отметить, что ни в теоретическом, ни в практическом планах вопрос о том, два или три члена образуют минимальную малую группу, окончательно до сих пор не решен. Не менее остро стоит вопрос и о **верхнем пределе малой группы**» [12. С. 146]; «Также не решен вопрос о количественных параметрах малой группы, **нижнем и верхнем пределе**» [14. С. 93].

В представлении знания о различных социальных отношениях «предел» чего-либо является обозначением ограниченной сферы их реализации: «Вместе с тем необходимо отметить следующее... дошкольники не мечтали о том, чтобы вырваться за **пределы узкосемейных отношений**, пойти в школу и начать учиться» [16. С. 207]; «В **пределах данного социума** деятельность входящих в него социальных общностей, групп и отдельных индивидов регулируется общими традициями, обычаями, моральными нормами и правовыми законами» [19. С. 227]. В пространстве

определенных социальных отношений граница данного типа уподобляется представлению о потенциально возможных действиях человека, которые он может совершить: «*Это тип “реалистов”: свои потребности подобные люди пытаются максимально полно удовлетворить в пределах реально существующих возможностей*» [19. С. 208].

Структура личности человека моделируется на основе представления о пространстве, где его «предел» становится аналогией границ понимания социального «я», разграничения социальных ролей и функций: «Если жалобы на близких, как то обычно случается, все же приведут “проектора” или клиента, пребывающего в патологическом слиянии, к психологу, задача последнего помочь человеку верно размежевать “я” и “они”, самому обозначить реальные **пределы своей личности**» [20. С. 29]. В системе социальных координат и ценностных установок конечная часть чего-либо является обозначением максимально возможной потери социальной ориентации личности: «В случае длительных неурядиц, систематических неприятностей явление “выгорания” достигает **личностно опасных пределов** – происходит дезориентация индивида в системе базовых социальных ценностей» [19. С. 247].

Представление о социальной ситуации, находясь в которой человек стремится обойти связанные с ней нормы, метафорически уподобляется преодолению «порога» пространства – «бруса на полу под дверью» [22. Т. 3. С. 303]: «Оказаться «над ситуацией» – значит, действовать, превышая **пороговые требования ситуации**, как бы поднимаясь над ними. Активность в пределах этого определения может означать также и сочетание моментов принятия требований ситуации и преодоления их» [12. С. 111]. Метафорическое моделирование стыда связано с представлением о пространстве, где «порог» становится символическим показателем различной степени проявления данного социального чувства: «Разные люди имеют различные **пороги стыда**, обусловленные ориентациями ценностными...» [15. С. 1746]; «Люди имеют разные **пороги стыда** – от повышенной стыдливости до бесстыдства...» [19. С. 327].

Не менее значимым компонентом метафорических границ социального пространства является представление о «крае» – «предельной линии, ограничивающей поверхность или протяженность чего-либо» [22. Т. 2. С. 119]. Граница данного типа участвует в структурировании знания о различных социальных процессах и явлениях. Так, в характеристике социального объединения «край» становится аналогией максимально возможной формы его изменения, социальной трансформации: «Толпа экспрессивная – ...ее **крайняя форма** – толпа экзотическая, достигающая от взаимного ритмически нарастающего заражения **состояния общего...**» [15. С. 1879]. Кардинально противоположные мнения, которые складываются между членами социальной группы, моделируются в виде нахождения чего-либо на краю: «**Это обнажение крайних позиций** способствует более ясной картине, которая складывается в группе по дискутируемой проблеме» [14. С. 115]; «...группа обладает свой-

ством **быть своеобразным модератором индивидуальных мнений и суждений ее членов: она отбрасывает наиболее крайние решения...**» [14. С. 114–115]. «Край» пространства является активной метафорой в представлении знания о максимально возможных проявлениях различных черт характера и поведения личности, которые возникают под действием социально негативных внешних факторов и не соответствуют общепринятым социальным нормам: «**Акцентуации характера** – “слабые места” характера индивида, **крайние варианты нормы**, граничащие с психопатиями: повышенная уязвимость личности в отношении отдельных психотравмирующих факторов» [19. С. 314]; «Делинквент – субъект, чье поведение **девиантное в крайних проявлениях** являет собой уголовно наказуемые действия» [15. С. 350].

Граница данного типа характеризует противоположные психологические аспекты личности, проявляющиеся в процессе социализации: «Такие люди **отличаются другой крайностью** – заниженным уровнем притязаний» [19. С. 205], в противоречивости ее поведения и оценки себя: «Требования к жизни у такого подростка смутны и противоречивы, его бросает **из одной крайности в другую**, и это характерно не только для его социального поведения, но и для его представлений о себе» [11. С. 299].

Метафора «края» также участвует в репрезентации знания об определенных социальных качествах представителей различных национальностей, являясь показателем явного проявления какой-либо характерной для них черты: «Вот почему населению западных государств часто свойственны **крайняя степень проявления эгоцентризма**» [12. С. 134]; «Французам присущи... способность **вдаваться в крайности**; подвижный темперамент, **крайний индивидуализм**» [Там же. С. 206].

Аналогия данной пространственной границы содержится в основе представления знания о психологическом процессе восприятия информации. Исходя из проведенных исследований, психологи отмечают, что быстрее запоминается та информация, которая воспринимается человеком в начале и в конце сообщения. Метафорически данная особенность обозначается как нахождение чего-либо на самом краю пространства: «**Эффект края** – в социальной психологии имеется в виду, что из предъявляемых субъекту для восприятия сигналов те, что находятся в начале и в конце, запоминаются быстрее, чем находящиеся в середине» [Там же. С. 38].

Информация об установленных социальных нормах, которые регламентируют условия образования социальной среды, ее функциональное назначение и определяют условия существования человека в данном социальном пространстве, репрезентирована на основе представления о границе объекта, «рамке» – «четырёхугольной, овальной или иной формы скрепления из брусьев, планок для вставки, обрамления чего-либо» [22. Т. 3. С. 638]: «Психическое развитие ребенка, формирование его личности может быть понятно лишь **в рамках его социализации**, т.е. усвоения им продуктов накопленного людьми социального опыта» [16. С. 181]; «социализация группы происхо-

дит не в вакууме: на изменения в группе влияет **характер культуры и общественных отношений, в рамках которых существует группа**» [14. С. 119]. Объединение людей, имеющее определенные специфические характеристики, а также член такого объединения метафорически обозначаются в виде пространства объекта, ограниченного рамками, отличающими данный тип объекта от других: **«В рамках определенного образа жизни...»** [12. С. 194]; **«Стилизованный механизм социализации действует в рамках субкультуры. Под субкультурой в общем виде понимается тот комплекс ценностей, норм, морально-психологических черт и поведенческих проявлений, которые типичны для людей определенного возраста или конкретного профессионально-культурного слоя...»** [13. С. 145]. При этом чем строже обозначены и очерчены границы пространства, тем более точно определяются нормы поведения людей внутри данного объединения: **«Нормы-рамки: жестко регламентируют поведение и взаимоотношения субъектов в их настоящем»** [12. С. 46]; **«Существуют определенные пределы выхода за рамки общепринятого поведения, охраняемые социальным контролем»** [19. С. 227].

Существование строгих границ связано с представлением пространства как закрытой или открытой локации, за пределы которой человек способен или не способен выйти. Образ закрытого пространства является метафорическим обозначением социальной группы, характеризующейся постоянством, общими интересами входящих в нее людей и противопоставлением себя другим: **«Корпорации – организованные группы, характерные своей замкнутостью, максимальной централизацией и авторитарностью руководства; на основе своих узкоиндивидуалистических интересов противопоставляют себя другим социальным общностям»** [12. С. 147]; **«Можно сказать, что “граница” группы воспринимается как граница этой психической общности»** [14. С. 70]. На основе возможности входить и выходить из открытого пространства и, напротив, невозможности человека выйти, если пространство замкнуто, моделируется представление о признаках социальных групп, предполагающих как фиксированное (ограниченное) количество ее членов, так и возможное множество: **«Кроме перечисленных, можно выделить множество других социально-психологических критериев для дифференцирования малых групп, например: открытые и закрытые...»** [12. С. 148].

Знание о нежесткой организации социального объединения, отсутствии строгих норм в его образовании уподобляется представлению о пространстве без точно обозначенных границ. Так, к примеру, репрезентировано знание о социальной массе. Как отмечают психологи, масса не имеет строгих социальных требований, ее признаками являются неопределенное число участников, отсутствие каких-либо критериев (национальных, возрастных, гендерных и т.д.). Метафорически аналогией данных признаков становится представление об открытых, нечетких и размытых границах пространства, не затрудняющих вход и выход в данную локацию: **«По числу участников (“размеру”) различают малые и большие группы... по**

проницаемости границ – открытые и закрытые...» [11. С. 181]; **«Масса обычно описывается как более стабильное образование с довольно нечеткими границами»** [14. С. 85]; **«Масса – статистически вероятностная общность. Это означает, что вхождение индивидов в данную общность носит неупорядоченный, случайный характер. Такая общность практически всегда отличается открытыми, размытыми границами, неопределенным количественным и качественным составом»** [12. С. 199]. Отсутствие общепринятых норм, существующих для большинства объединений и не предназначенных для отдельных групп людей, связано с разрушением пространственных границ: **«Масса – общность гетерогенная, т.е. разнородная. Она откровенно внегрупповая или межгрупповая. В подобной общности разрушаются границы между всеми существующими социальными, демографическими, политическими, региональными, образовательными и иными группами»** [Там же. С. 199].

В характеристике взаимодействия между членами социума образ пространственной границы также участвует в представлении знания о явлениях, которые отклоняются от социальной нормы. Стремление человека уйти от возможного потенциального общения с окружающими обозначается в виде образования локации, возникновение которой связано с процессом ее отделения от пространства общего социального целого. В данном случае мы наблюдаем не только наличие границы между двумя локациями, но и образование дистанции между ними: **«Акцентуация шизоидная – отгороженность, замкнутость, интроверсия, эмоциональная холодность, недостаток интуиции в процессе общения; соответственно – характер шизоидный»** [15. С. 1986].

Таким образом, представление о границах пространства лежит в основе передачи знания о нормах создания и существования социального объединения людей. Чем строже обозначены границы, тем более точно определены критерии социальной ячейки общества. Отсутствие границ является аналогией отсутствия обозначенных условий социального образования.

Итак, в академическом дискурсе социальной психологии социальная реальность и ее явления моделируются на основе представлений о внешних пространственно-объектных параметрах, которые мы можем наблюдать. Социум и социальные возможности обозначаются на основе параметра ширины, динамика социального развития человека, как и социальная стратификация в целом, уподобляются возможности перемещения по вертикали. Критерии и нормы образования социальных групп репрезентированы в виде закрытого или открытого пространства с наличием границ.

2. Внутренняя организация пространства. Важным этапом успешной социализации любого человека является гармоничное принятие внешних социальных процессов и явлений, адаптация к ним своей психологической реальности. Поэтому в дискурсе социальной психологии знание о социально-психологических изменениях моделируется на основе представления о внутренней функциональной организации пространства, а именно о строго определенном, структурированном, сбалансированном и устойчивом расположении частей внутреннего пространства субъекта.

Социальная реальность, в отличие от реальности субъективной, может быть названа реальностью объективной, так как она объединяет и систематизирует ход мысли большинства людей [21. С. 88]. У каждого человека, взаимодействующего с социумом, есть те или иные представления о том, что хорошо, а что плохо, что можно делать и чего нельзя. Не случайна в связи с этим метафоризация социального представления человека о самом себе в соответствии с определенной упорядоченной «структурой» – «взаиморасположением и связью составных частей чего-либо, строением / устройством, организацией» [22. Т. 4. С. 292]: *«Она характеризует личность как целостную психологическую структуру, возникающую в процессе жизни и воспитания и выполняющую определенную функцию во взаимоотношениях человека с окружающей средой»* [16. С. 11]. Объективная социальная реальность структурируется на основе представлений об упорядоченном пространстве, принципиально отличающем ее от индивидуального внутреннего, «хаотичного» мира субъекта: *«К числу главных отличительных признаков социальной группы позволяет отнести следующие... целенаправленность, упорядоченность и стабильность ее существования...»* [11. С. 178]; *«Установление факта “общей социальной деятельности” сразу же задает группу как элемент социальной структуры общества, как ячейку в более широкой системе разделения труда...»* [14. С. 94]; *«Человеческое существование, если бы оно опиралось только на ресурсы организма, было бы весьма хаотическим»* [21. С. 36]. В сознании индивида структурой социальной реальности становятся правильное понимание социальных ценностей и точное следование социальным ролям: *«Не важно, на основе общей деятельности или простого взаимодействия, но в группе возникают определенные элементы групповой когнитивной структуры – нормы и ценности, что и есть самое существенное для группы»* [14. С. 94], а также верное определение и выполнение функциональных обязанностей внутри социального объединения: *«Любая группа имеет ту или иную структуру – определенную совокупность относительно устойчивых взаимосвязей между ее членами»* [13. С. 259].

Вступая в контакт с социальной средой, не только сознание человека подвергается ее влиянию, но и весь его организм становится социально детерминированным. Начиная с детства, взрослые обучают детей правилам этикета, режиму сна и питания. Организм людей, способный самостоятельно устанавливать эти потребности, со временем становится зависимым от общего порядка, установленного социальными правилами. Поэтому в академическом дискурсе социальной психологии различные биологические и поведенческие процессы человека номинируются в качестве социально структурированного объекта: *«Даже такие глубоко биологические функции, как оргазм и пищеварение, являются социально структурированными»* [21. С. 120]; *«Общество детерминирует также способ, которым организм используется в деятельности; экспрессивность, походка, жесты социально структурированы»* [Там же].

Близким к понятию «структура» является понятие «схема», представляющая собой «чертеж, изображающий систему, устройство или взаиморасположение, связь частей чего-либо. Схема двигателя, схема маршрута» [22. Т. 4. С. 316]. В отличие от структуры, определяющей функциональную связь элементов в составе объекта, схема демонстрирует принцип работы всего механизма как единого целого. Представление о схеме становится аналогией способа социального мышления и поведения, понимания и объяснения каких-либо явлений, в основе которых содержится социальное стереотипное представление о чем-либо: *«Характер – социально сформированная поведенческая схема личности, система его поведенческих стереотипов, поведенческий синдром»* [19. С. 200]; *«Схема мышления – система понятий или логика рассуждений, привычно применяемая субъектом при встрече с незнакомым объектом или новой задачей»* [15. С. 1758–1759].

Достижение психологического баланса между общественными правилами и внутренним порядком человека также метафорически номинируется в виде возможной симметрии – «пропорционального расположения частей» [22. Т. 4. С. 94]: *«Под “успешной социализацией” нами подразумевается установление высокого уровня симметрии между объективной и субъективной реальностями (а равно и идентичности). И наоборот, “неуспешную социализацию” следует понимать в терминах асимметрии между объективной и субъективной реальностями»* [21. С. 109]; *«В любом случае между его социально предписанной идентичностью и его субъективно реальной идентичностью будет иметься асимметрия»* [Там же. С. 112].

Целостность объекта обеспечивается не только существующей симметрией между составляющими его элементами, но и характеризуется равновесием самих элементов, которые создают данный объект. Такими элементами в академическом дискурсе социальной психологии становятся социальные нормы и представления, обеспечивающие существование социальной реальности в сознании человека. Осознание необходимости следовать социальным законам жизни номинируется на основе признака «устойчивости» объекта – «его способности твердо стоять, держаться, не колеблясь, не падая» [22. Т. 4. С. 525]: *«Рассматриваемый таким образом мир приобретает устойчивость в сознании, он становится гораздо более реальным и не может быть легко изменен»* [21. С. 41]; *«Межгрупповые социально-перцептивные процессы обладают большей устойчивостью, консервативностью, ригидностью, поскольку их субъектом является не один человек, а группа...»* [14. С. 127]; *«Они возникают и в связи с другими устойчивыми мотивами, требующими целевой организации поведения, например, с мотивами общественной трудовой деятельности...»* [16. С. 241]. Отсутствие перехода внешне социальных процессов во внутренние психологические ориентиры метафорически обозначается в виде ситуации изменения положения объекта: *«Не потому, что они не считаются само собой разумеющимися, и не потому, что воспринимаются*

как менее реальные в повседневной жизни, но по той причине, что их **реальность** не так глубоко укоренена в сознании, а потому в большей степени **поддается смещению**» [21. С. 99]. Социальное представление человека о себе, формирующееся в процессе межличностного взаимодействия, также метафорически обозначается на основе признака статичного, фиксированного положения объекта в пространстве: **«Цельность характера – это устойчивость позиций и взглядов в различных ситуациях, согласованность слов и поступков; уравновешенность характера – ровность, сдержанность поведения, эмоционально-волевая устойчивость личности»** [19. С. 205]. Аналогией знания о социально значимых образах и моральных, общественных ценностях, которые постигает человек в процессе социализации, становится представление об объекте, который можно «поместить где-либо, надлежащим образом, прочно, устойчиво поставить и т.п.» [22. Т. 4. С. 525]: **«...человек не просто усваивает социальный опыт, но и преобразовывает его в собственные ценности, установки, ориентации»** [14. С. 136].

Сохранение устойчивого положения объекта, его равновесия, обеспечивается посредством иных объектов, используемых в качестве элемента поддержки, укрепления имеющейся «социальной» установки. Так, к примеру, содержащаяся в сознании индивида стереотипная интерпретация жизненных ситуаций позволяет ему не придумывать каждый раз новое объяснение происходящим событиям, а обратиться к уже имеющемуся в сознании способу разъяснения, разделяемому другими членами общества. Приверженность участников социального взаимодействия общей точке зрения и общему взгляду на какое-либо событие метафорически обозначается в качестве ситуации поддержки и сохранения всеми приемлемой социальной реальности: **«Должен постоянно сохраняться и поддерживаться приоритет институциональных определений ситуации над попытками индивида определить их заново»** [21. С. 44]; **«Другими детерминантами “стойкости” гипотез являются: мотивационная поддержка, когнитивная поддержка и “согласие с группой”**» [11. С. 380]; **«Для воспитания и поддержания позиции школьника важно, чтобы каждый ребенок, поступающий в школу, воспринимал не только новые, возникшие у него обязанности, но и те права, которые он при этом приобретает»** [16. С. 313].

Итак, метафорическое моделирование социально-психологических процессов осуществляется на основе представления о внутренней организации пространства объекта и его назначения. Преемственность социальных норм и установок в сознании индивида уподобляется симметричному, структурированному и устойчивому положению элементов внутри объекта, обеспечивающих его целостность и функциональность.

3. Отдельно существующее пространство. Ранее мы говорили о том, что нежелание поддерживать коммуникацию, отклонение от социальных норм, девиантное поведение, а также чрезмерная включенность в социальные процессы моделируются в виде отдельно существующих пространств, куда способен уйти человек.

Стремление не вступать в какой-либо контакт с окружающими уподобляется ситуации перемещения субъекта из данного пространства, что передано с помощью различных глаголов движения: **«...следуют обоюдные или односторонние реакции отвержения (скольжение взгляда, отдергивание руки при пожатии, отворачивание головы, тела, отгораживающие жесты, “кислая мина”, суетливость, убегание и т.п.)»** [13. С. 42]. Социально значимые проблемы обозначаются как пространство, из которого можно выйти. Нежелание человека найти пути их решения структурируется в виде стремления избежать нахождения в данной локации: **«Конфликтное противоречие – основа саморазвития индивида и социальных систем. Человек должен не избегать конфликтов, а находить адаптированные выходы из них»** [19. С. 249]; **«Конфликт “сближение-удаление” (конфликт типа “приближение-избегание”) – тип внутри личностного или межличностного конфликта, характеризующегося тем, что один и тот же объект (человек, предмет, событие и т. п.) одновременно порождает у человека как желание сблизиться с ним (приблизиться к нему), так и желание удалиться от него (избежать его)»** [18. С. 228].

К метафорической модели «отдельных пространств» относится представление знания о психическом состоянии человека, формируемом под действием алкогольных и психотропных веществ. Создание иллюзорной реальности метафорически уподобляется искусственному миру, в котором субъект начинает жить: **«Многие подростки, оставаясь внутренне одинокими, с помощью наркокурения приобретают возможность сбегать в собственный искусственный мир»** [12. С. 122]. Явления алкоголизации и наркотизации, наиболее активно развивающиеся под действием стресса, структурируются в виде пространства, куда может уйти человек в ситуации отрицания привычной для сознания жизни: **«...в стрессовых ситуациях уход в алкоголизацию, наркотизацию, в суицидные попытки»** [Там же. С. 137]. Ощущение болезни номинируется в виде отдельного пространства, в которое индивид может сбежать при нежелании принимать повседневную социальную реальность: **«Бегство в болезнь – согласно З. Фрейду – понятие и концепция, фиксирующие и объясняющие причины и механизм ряда заболеваний психических, особенно неврозов, характерных наличием неосознаваемого стремления человека к заболеванию и погружению в болезнь как средство и способ защиты от конфликта и реальности»** [15. С. 132].

Представление о пространстве является активным метафорическим компонентом при передаче знания об акцентуациях личности и ее отношении к социальной действительности. Так, к примеру, у эргопатичной личности в качестве основных социальных черт отмечается «застревание» на профессиональной реализации, что метафорически обозначается в виде отдельного пространства работы: **«Эргопатичный: “уход от болезни в работу”»** [12. С. 138]. При внешне негативном воздействии для шизоидного типа личности свойственны отказ от принятия ситуации и стремление быть наедине с природой, погрузиться в собственный мир. Состояние, достигаемое при этом,

уподобляется первобытному миру, в котором отсутствует цивилизация: «...*стремление уйти в “первобытное” состояние, “растворяясь” среди природы (у шизоидов)*» [12. С. 117].

Таким образом, при внешне негативных факторах и личностных особенностях представление о психологических (психофизиологических) процессах номинируется в виде отдельного пространства, где в силу отсутствия сознательного контроля или целенаправленно может находиться человек.

Подводя итоги, можно обобщить результаты анализа:

1) в основе метафорического структурирования социальной реальности в академических текстах по социальной психологии лежит представление о пространстве и заполняющих его объектах;

2) успешная социальная реализация субъекта моделируется на основе представлений о внешних пространственных параметрах (протяженность по горизонтали и вертикали), воспринимаемых человеком;

3) наличие точных и определенных пространственных границ становится аналогией строго установленных социальных норм, представлений и социальных функций, которые в процессе социального развития должен учитывать человек;

4) психологическая адаптация к социальным изменениям моделируется на основе представления об организации внутреннего пространства субъекта. Симметричность, упорядоченность и устойчивость составляющих элементов внутреннего пространства становятся показателем гармоничного существования человека, принятия социальной функции и жизни в целом;

5) представление о социальной девиации структурируется на основе представлений об изолированных пространствах, куда способен уходить человек.

Таким образом, пространственная метафора играет ведущую роль в формировании научных представлений о процессах социализации человека в ее внешних и внутренних проявлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М. : Флинта ; Наука, 2008. 464 с.
2. Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). М. : МГУ, филологический факультет, 1996. 125 с.
3. Гусев С.С. Наука и метафора. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. 152 с.
4. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Эдиториал УРСС, 2004. 256 с.
5. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 819 с.
6. Мухачёва А.М. Пространственные метафоры как фрагмент русской языковой картины мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003. 14 с.
7. Антонова Т.Г. Метафорическое моделирование социального конфликта в медиадискурсе: пространственные метафоры // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 5–12.
8. Резанова З.И. Пространственные метафоры в лингвистическом тексте // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте. Томск : UFO_Plus, 2007. С. 326–357.
9. Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 282 с.
10. Мишанкина Н.А., Рахимова А.Р. Метафорическое моделирование структуры психики человека в научном психологическом дискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 3 (35). С. 57–72.
11. Социальная психология: Хрестоматия / сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. М. : Аспект Пресс, 2003. 475 с.
12. Мокшанцев Р.И., Мокшанцева А.В. Социальная психология. Москва ; Новосибирск : Инфра-М, 2001. 408 с.
13. Крысько В.Г. Социальная психология: Курс лекций. М. : Омега-Л, 2006. 352 с.
14. Андреева Г.М. Социальная психология. М. : Аспект Пресс, 2007. 363 с.
15. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. Минск : Харвест, 1998. 2128 с.
16. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. Москва : Ин-т практ. психологии ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1997. 341 с.
17. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 27.01.2017).
18. Немов Р.С. Психология: Словарь-справочник : в 2 ч. М. : Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. Ч. I. 304 с.
19. Еникеев М.И. Общая и социальная психология. М. : Норма ; Инфра-М, 1999. 624 с.
20. Лютова С.Н. Социальная психология личности. Теория и практика: Курс лекций. М. : МГИМО (У) МИД России, 2002. 176 с.
21. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
22. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1985–1988.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 7 сентября 2017 г.

METAPHORICAL MODELING OF HUMAN SOCIALIZATION IN THE ACADEMIC DISCOURSE OF SOCIAL PSYCHOLOGY: LOCATION IN SPACE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 41–49.

DOI: 10.17223/15617793/423/6

Anastasia R. Rakhimova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nastena.rahimova@mail.ru

Keywords: metaphorical modeling; conceptual metaphor; academic discourse of social psychology; socialization; social process; social and psychological change.

The aim of the article is to identify features of metaphorical modeling of social space in the academic discourse of social psychology. Metaphorical modeling in the form of space is one of the most common cognitive mechanisms for presenting information in various fields of knowledge. The hypothesis of the study is that in the academic discourse of social psychology the process of human socialization is presented as a strictly organized space-object unit having an external and internal structure. The material for this work was academic publications on social and general psychology. In the center of the metaphorical structuring of social reality in academic texts on social psychology is the notion of space and objects inside it. In general, social reality is modeled on the basis of images of horizontal and vertical space, spatial parameters that a person can observe (length, width, height). Features of interpersonal interaction (formal / informal relationship, kinship, etc.) are indicated as distance between objects that are inside space, “close” / “distant” location. Knowledge of social norms and requirements in the formation of social groups is represented by the presence or

absence of precisely determined space boundaries. The result of successful socialization is a harmonious adoption of external social processes and phenomena like one's own internal psychologically proper living conditions. Therefore, knowledge of social psychological changes is like an internal functional organization of space within a facility: a social personality is like an object, the elements of which have a strictly organized structure, are arranged according to a certain scheme (personality structure, scheme of thinking, etc.). Social values are represented as designated social "arrangements" that can maintain balance and a stable position of the object. The object becomes a representation of society as a functional system which includes a person. At the same time, the notion of social deviation is modeled as an isolated space where a person is able to walk away from the rejection of social reality (go into alcoholism, escape to illness, etc.). This space is presented as unavailable for direct observation and unorganized. The metaphorical modeling of socialization in the form of space, its individual parameters, spatial objects is the basic cognitive metaphor. It is at the basis of the formation and development of the notion of a social system as a world that exists parallel to the real physical space. There is a social person in it, unlike a biological person.

REFERENCES

1. Kozhina, M.N. (2008) *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian language]. Moscow: Flinta; Nauka.
2. Prokhorova, V.N. (1996) *Russkaya terminologiya (leksiko-semanticheskoe obrazovanie)* [Russian terminology (lexical and semantic formation)]. Moscow: Moscow State University, Faculty of Philology.
3. Gusev, S.S. (1984) *Nauka i metafora* [Science and metaphor]. Leningrad: Leningrad State University.
4. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.
5. Nikitin, M.V. (2007) *Kurs lingvisticheskoy semantiki* [A course of linguistic semantics]. St. Petersburg: Russian State Pedagogical University.
6. Mukhacheva, A.M. (2003) *Prostranstvennye metafory kak fragment russkoy yazykovoy kartiny mira* [Space metaphors as a fragment of the Russian language picture of the world]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
7. Antonova, T.G. (2015) Metaphorical modelling of social conflict in media discourse: orientational metaphors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 401. pp. 5–12. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/401/1
8. Rezanova, Z.I. (2007) Prostranstvennye metafory v lingvisticheskoy tekste [Spatial metaphors in the linguistic text]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: prostranstvennye modeli v yazyke i tekste* [Images of the Russian world: spatial models in language and text]. Tomsk: UFO Plus.
9. Mishankina, N.A. (2010) *Metafora v nauke: paradoks ili norma?* [Metaphor in science: a paradox or a norm?]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Mishankina, N.A. & Rahimova, A.R. (2015) Metaphorical modeling of human psyche structure in scientific psychological discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (35). pp. 57–72. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/35/6
11. Belinskaya, E.P. & Tikhomandritskaya, O.A. (2003) *Sotsial'naya psikhologiya: Khrestomatiya* [Social psychology: Anthology]. Moscow: Aspekt Press.
12. Mokshantsev, R.I. & Mokshantseva, A.V. (2001) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow; Novosibirsk: Infra-M.
13. Krysko, V.G. (2006) *Sotsial'naya psikhologiya: Kurs lektsiy* [Social psychology: Lectures]. Moscow: Omega-L.
14. Andreeva, G.M. (2007) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow: Aspekt Press.
15. Golovin, S.Yu. (1998) *Slovar' prakticheskogo psikhologa* [Dictionary of practical psychologist]. Minsk: Kharvest.
16. Bozhovich, L.I. (1997) *Problemy formirovaniya lichnosti* [Problems of the formation of personality]. Moscow: Izd-vo "Institut prakticheskoy psikhologii"; Voronezh: NPO "MODEK".
17. Russian National Corpus. [Online] Available from: <http://ruscorpora.ru/>. (Accessed: 27.01.2017).
18. Nemov, R.S. (2003) *Psikhologiya: Slovar'-spravochnik: v 2 ch.* [Psychology: Dictionary-reference: in 2 parts]. Part 1. Moscow: Izd-vo VLADOS-PRESS.
19. Enikeev, M.I. (1999) *Obshchaya i sotsial'naya psikhologiya* [General and social psychology]. Moscow: Norma; Infra-M.
20. Lyutova, S.N. (2002) *Sotsial'naya psikhologiya lichnosti. Teoriya i praktika: Kurs lektsiy* [Social psychology of personality. Theory and practice: lectures]. Moscow: MGIMO (U) MID Rossii.
21. Berger, P. & Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium.
22. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985–1988) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 3rd ed. Moscow: Rus. yaz., Poligrafresursy.

Received: 07 September 2017